ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СЕНТЯБРЬ 2020 г. ● № 9 (283) ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ

Издается редакцией и Союзом писателей России

Александр БОБРОВ

Ярмарка без достижений

Заметки с 33-й ММКЯ

В московском Манеже прошла 33-я Книжная ярмарка, потому что в привычном 75-м павильоне ВДНХ, в специально построенном, удобном доме – временный ковид-госпиталь. И тут экстренные меры – за счёт книги… Сама Московская международная книжная выставка-ярмарка (ММКВЯ) почему-то потеряла букву «В» в аббревиатуре, став просто – ярмаркой (ММКЯ), наверное, потому, что мы как-то привыкли к фразеологизму: выставка достижений. Достижений в завершающемся книжном году было немного. Начать с того, что, по данным Российской книжной палаты, за первые шесть месяцев 2020 года число выпущенных в России книг сократилось примерно на 6%, а их общий тираж упал на 1,5%. Об этом заявил заместитель руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Владимир Григорьев и добавил, что сравнительное небольшое падение никого не должно успокаивать: в статистике первого полугодия отражены проекты, запущенные еще до пандемии, а впереди может быть «отложенный эффект» вынужденного простоя. Так, в период самоизоляции выпуск книг были вынуждены сократить более 80% издателей, ввиду чего по итогам года падение выпуска литературы в стране может быть куда более заметным. По оценке участников конференции «Книжный рынок России – 2020», падение общего объема книжного рынка (без учета рынка учебной литературы) только за три месяца пандемии оценивается в 3,5 млрд. руб. ежемесячно, или около 10,5 млрд. руб. за три месяца.

Ещё до начала ярмарки писательница Лидия Сычева посетовала на скудость предлагаемых имён и «товаров», процитировав анонс: «За пять дней на Московской международной книжной ярмарке пройдут более 270 офлайн-мероприятий. Среди отечественных писателей на ярмарке выступят Денис Драгунский, Михаил Елизаров, Захар Прилепин, Олег Рой и Сергей Шаргунов, а писательницы Яна Вагнер, Дарья Донцова, Мария Метлицкая и Дина Рубина встретятся с читателями в формате видеоконференции. На ярмарке можно будет увидеть Александра Добровинского, Антона Долина, Любовь Казарновскую, Андрея Макаревича, Владимира Познера, Эдварда Радзинского и Александра Цыпкина. Свои новые книги лично представят Евгений Водолазкин, Людмила Петрушевская, Татьяна Полякова, Марина Степнова и Татьяна Устинова. Алексей Иванов представит книгу публицистики «Быть Ивановым», в которую вошли острые суждения об экономике, политике, культуре и писательском ремесле – результат пятнадцати лет ежедневного диалога автора с читателями.

Гостей книжного форума ждут презентации новинок нон-фикшн. Среди авторов, которые выступят перед публикой, – писатель и историк изобразительного искусства Софья Багдасарова, психолог с сорокалетним стажем, коуч-консультант Марина Мелия, а также экскурсовод, автор и ведущий программы «Пешком» на телеканале «Культура» Михаил Жебрак. Актриса театра и кино Марина Зудина представит мемуары «Мечта о театре», написанные Олегом Табаковым».

Понятен принцип: прорекламировать продаваемых авторов, половину которых даже я не знал.

Понятно – как же без Андрея Макаревича, Владимира Познера, Эдварда Радзинского. Но где ПИСАТЕЛИ?!

Как видно, книга и впрямь стала просто товаром: надо продавать медийные имена, тренды и бренды, как сегодня выражаются. А что за ними? Например, сразу после открытия ММКЯ выступил Владимир Познер с переизданной и устаревшей книгой «Одноэтажная Америка». Той провинциальной, спокойной Америки, по которой они ездили по следам Ильфа и Петрова, уже нет, а он с гордостью заявил, что «не поменял ни слова – только новые фото добавил». Вот это отлил публицистику – и корректировать нечего, несмотря на бушующие события. Можно себе представить, что Достоевский переиздаёт «Дневники писателя» и через двенадцать лет не добавляет войну за освобождение славян на Балканах?

После Познера неведомая мне Метлицкая на главной сцене онлайн (?!) вещала для трёх человек. Рекламировали презентацию книги в духе времени: «Таня Танк – ведущая популярных блогов в Инстаграме и Живом Журнале, автор трилогии «Бойся, я с тобой. Страшная книга о роковых и неотразимых». Во время встречи с читателями Таня Танк представит свою новую книгу «В постели с абьюзером: любовь, идентичная натуральной». Дословно значение слов *абьюзер* такое: abuse – насилие, и abuser – человек, совершающий насилие, выходя за рамки допустимого. Он оскорбляет, унижает и издевается морально над близкими людьми. По-русски – насильник или извращенец, но по-иностранному красивше…

Устаешь от этого ярмарочного бреда.

На стенд Союза писателей России пришли некоторые мои студенты из МГИК и МосГУ, хотя массовые мероприятия с ними – пока запрещены. Рядом был стенд Ассоциации книгораспространителей России (АСКР). С её председателем Анатолем Владимировичем Горбуновым мы знакомы с давних, по-настоящему книжных лет, когда я работал в «Советском писателе», выпускавшем блестящие новинки, а он – возглавлял могучую Москнигу… На стенде АСКР был представлен «Невский альманах» (быстро разобрали), а я показал студентам и Горбунову свою книгу «Сосна у селенья Бобровка», вышедшую в издательстве «Родные просторы» (главный редактор Владимир Скворцов).

В первый день были подведены итоги конкурса «Книги года». Всего перечислять не буду. Скажу лишь, что книгой прозы стал роман главного редактора «Литературной газеты» Максима Замшева «Концертмейстер» (СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020), а книгой стихов – сборник Олега Чухонцева «И звук и отзвук: из разных книг» (М.: Рутения, 2019).

Если говорить о мероприятиях, то, по моим наблюдениям, больше всего читателей собралось на встрече с Захаром Прилепиным, очередь за книгами и автографами скопилась огромная, и никакой социальной дистанции не было в помине. Но ведь Захар – социальный писатель. Самый нераскупаемый писатель, из тех, кого либеральные критики назначили «звёздами», по моим наблюдениям – Евгений Водолазкин, который после «Лавра» пишет одну книгу скучнее другой, но неизменно фигурирует во всех премиальных списках и пресс-релизах Роспечати. Загадка, которую тоже не отнесёшь к достижениям…

После первого дня пришёл домой, включил Первый канал. Ну, понятно в репортаже первый – главный писатель Познер. А ещё назвали «лучших писателей» – Быков, Драгунский, Устинова… Просто офонареть! Особенно удивляет везде упоминаемый Драгунский – что он такое? Ну, кто? – понятно: герой книги «Денискины рассказы» и сын Виктора Юзефовича Драгунского (род. Нью-Йорк, 1913 год). Наверное, предки Дениски Драгунского в своё время ломанулись из когда-то польского Гомеля в Америку. Может, спасаясь от польского антисемитизма? – известное дело. Его отчимом был польско-российский революционер и комиссар Ипполит Войцехович, так что польский след заставил его первым откликнуться на письмо Светланы Алексиевич «русской» интеллигенции, заготовленное для неё Литвой или Польшей: «Почему вы молчите? Мы слышим только редкие голоса в поддержку. Почему вы молчите, когда видите, как растаптывают маленький гордый народ? Мы все еще ваши братья».

Только недавно Алексиевич так говорила про «маленький гордый народ»: «Я всю жизнь прожила в стране полицаев. А что такое Беларусь, по-вашему? Тысячи белорусов служили в полиции. Не надо думать, что у нас все уходили в партизаны и только отдельные предатели…». Нобелевская лауреатка вообще плохо соображает, что такое страна-народ-нация, потому что может в интервью киевскому Еспресо TV делить немецкую нацию на собственный народ и каких-то посторонних евреев: «Я не знала времен ГУЛАГа и коллективизации. Я думаю, это было страшнее, чем в Германии, потому что Гитлер не обходился так с собственным народом. Он евреев поставил за границу, но с собственным народом так не обходился…». Во-первых, в каком смысле поставил, в какую позу? А во-вторых, дело в том, что сотни тысяч немецких евреев были немцами во всем, кроме религии, да и то далеко не всегда. Они не имели никакой другой родины, кроме Германии, были огромной и действенной частью немецкого народа – «собственного народа», по словам Алексиевич, пока Гитлер не вычленил их, не определился с параметрами «чистоты крови», правильности черепов и так далее. Так вот, Алексиевич по глупости или сознательно эти расистские представления снова возвращает в оборот, поскольку отдает должное фюреру за гуманное отношение к *собственному* народу. И это интервью, обвиняющее Сталина, спасшего от гибели и евреев, и немецкий народ, она дает в бандеровском Киеве, в стране, где новая власть утвердилась, благодаря бандам националистов. Она, полу-украинка по крови, надеется, что они пойдут иным путём?

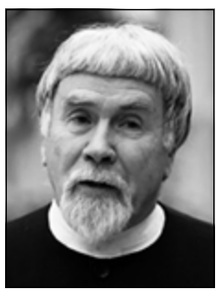
Первым её поддержал Денис Драгунский: «К сожалению – а может быть, к счастью – я не могу писать от имени, а тем более по поручению российской интеллигенции. Но от себя самого, от моего собственного имени – я выражаю самую горячую и сердечную поддержку борьбе народа Беларуси за свободу, право, справедливость и, главное, за свою честь… На «Мосту Победы» в Москве, на постаменте с фигурой солдата-защитника родины, написано: «За нашу честь и свободу, вперед на врага!». Честь – вот что на первом месте; вот главный двигатель протеста, вот что поднимает волну благородной ярости – и я верю, что народ Беларуси сумеет полной мерой ответить за поругание своей человеческой, демократической, национальной чести».

Что такое «демократическая честь» – знает только «лучший писатель» Драгунский. Но сколько пафоса! Какое неуместное обращение к словам Верховного на мосту Победы! В 1943 году, когда после Курского сражения произошел явный перелом в Отечественной войне и судьба фашистского агрессора была предрешена, скульптор Николай Томский и архитектор Дмитрий Чечулин начали разрабатывать проект нового моста-путепровода на Ленинградском шоссе со скульптурами, включёнными во всемирное наследство. Освобождение Белоруссии и Минска 3 июля 1944 года было ещё впереди. Могли ли себе представить прообразы советских солдат на мосту, что их Верховного командующего какая-то продажная лауреатка поставит ниже Гитлера, а сынок советского писателя начнёт цитировать его слова, приветствуя желание прозападных сил сдать все победы, включая самую главную – ради «демократической чести». Кощунство!

Постскриптум

Валентин КУРБАТОВ

«Свободное» общество и сакральное искусство



Не знаешь – то ли улыбнуться, то ли опечалиться: чем неувереннее время, тем решительнее его ***пост***упь – *пост*модерн, постистория, даже пострелигия. Скоро уж, видно, и наша матушка-литература будет постскриптумом – во всяком случае то, что мы еще недавно звали ею.

«Эпоха «высокого стиля» закончена, – извещает нас в аннотации к книге Вадима Месяца «Дядя Джо. Роман с Бродским» Андрей Тавров, – литературная иерархия 90-х годов в глазах молодого героя кажется отработанной и музейной… Это вообще книга с новым устройством письма…». Уж что с новым, то с новым – так что доктор филологии и поэт, земляк Месяца по Екатеринбургу Юрий Казарин только и мог воскликнуть на обложке: «Ни фига себе! Сказал я себе:)». «Музейной» стала не одна иерархия 90-х, а вообще литература «высокого стиля».

Бедный «высокий стиль» заключили в иронические кавычки и исключили из обихода, с порога начертав на знамени обложки 18+, как знак новой общности «посвященных», как издалека ободряющий пароль: «свои!». Да и каким языком прикажете писать мир «сексуальных оторванцев, ангелов и стерв – по-босховски жуткий мир человеческих отношений», который являет Лера Манович в книге «Рыба плывёт» или Михаил Елизаров в своей «Земле» – долгом романе о смерти, о кладбищенском бизнесе, представленном так подробно, хоть свое ИП или кооператив открывай. Вся жизнь героев замешана на крутом мате, который тоже постепенно становится «землей» русской жизни. Даже и сама смерть является в какой-то злой наготе, словно «свободное общество» видит её впервые и отшатывается, как отчего-то бесстыдно вторгшегося в удобный порядок, где и ей отведено законное рыночное место, а она попирает свободный разум.

Можно понять мат Захара Прилепина в его книге о Донбассе («Некоторые не попадут в ад») – реальность так зла, что не до выбора выражений, хотя, догадываюсь, что солдаты и офицеры «Севастопольских рассказов» Толстого тоже не чинились в выражениях, а он вот как-то обошелся. Ну, да что возьмёшь со старика с его «высоким стилем».

Но когда начинается «спорт», матерный «воркаут», скажем, у Андрея Аствацурова, когда выходишь из книги («Не кормите и не трогайте пеликанов») с нежеланием жить в навязываемом тебе мире или когда мат для автора книги «Добыть Тарковского» Павла Селукова становится художественной забавой: «Вам какого Тарковского? Арсения? Или Андрея? Блядь! Их двое. Я охуел» (а что? цитировать так цитировать!). Как демократично, обаятельно и как мигом сближает автора и читателя…

(Окончание – стр.3)

Сергею Есенину – 125 лет!

Максим ЕРШОВ

Кленовый сок для русской революции

О книге Захара Прилепина «Есенин…»

Захар Прилепин написал большую книгу «Есенин. Обещая встречу впереди». Книгу объективную, разностороннюю, исчерпывающую. Спасибо. В этом труде, главное, есть всё, чтобы думать, размышлять. Работу Прилепин провёл огромную, его «Есенин» это не просто Есенин – это целое окно в серебряный век и историю становления советской литературы. Не налюбуешься. Собственно, всё, что останется сделать мне – это высказать несколько аналитических соображений общего свойства. При всех достоинствах Прилепина как писателя-беллетриста, феноменология (тем более – конспирология, будь она, понятно, проклята) – не принадлежит к неотъемлемым свойствам его стиля. Стиль, понятно, надо беречь. Поэтому грязная работа достаётся подмастерьям.

Поблагодарив Захара за подробное детство и отрочество Есенина, а заодно и за столь же основательную творческую юность, перейдём сразу к вехам.

«Будущий поэтический феномен Есенина объясняется в первую очередь тем, что выросший пусть и не совсем в семье «крестьянина», но в истинно мужицкой, низовой среде, познававший приметы и поверья не путём «хождения в народ», а в силу рождения и взросления среди этого самого народа, он едва ли не первым из так называемых крестьянских поэтов в полной мере воспринял и органично использовал все новейшие модернистские навыки, где-то ухватив на слух, где-то интуитивно, где-то выучившись».

Вникать в тонкости современного литературного процесса и учиться использовать новые возможности выразительности – безусловно, было необходимо. Но само по себе модернистское стало играть важнейшую роль в эстетике литературы и искусства в очень интересную эпоху. Можно сказать, что постмодерн стал возможен и неизбежен уже в модерне, а модернизм (вплоть до своей высшей степени – авангардизма) был и реакцией на угасание *традиции*, и одним из инструментов её, *традиции*, разрушения.

Результатом Великой войны стало крушение четырёх монархических империй: России, Германии, Австро-Венгрии, Турции. Мировые силы прогресса ждали этого давно. Мир обновился. И потребовал нового искусства. Причём новое искусство явилось заранее: оно заранее стояло на стороне будущего и… *авангард* в поэзии появился в Италии и следом – в России. Маяковский «начался» с ярчайших антивоенных стихов в *воюющей* стране. В 1941 его бы расстреляли немедленно. За измену Родине.

В это время Есенин пробует свои силы. Получается пока не очень. Будущий поэт живёт в Москве, где находит определённых знакомых, принадлежащих к *определённым* (чаще эсеровским) кругам. Переписывается с рязанской землячкой Марией Бальзамовой. Цитирую Прилепина:

«В 1914 году именно Бальзамовой Есенин вдруг напишет своими, осмысленными словами предельно точное и честное: «Таланта у меня нет, я только бегал за ним».

И ещё: «Моё я – это позор личности. Я выдохся, изолгался, и, можно даже говорить, похоронил или продал свою душу чёрту, и всё за талант… Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек».

Больше ни одной женщине он не станет так раскрывать карты».

Прежде чем обратить взгляд к тем явлениям в жизни и творчестве *поэта*, которые действительно неким образом «отражают» запальчивые слова из юношеского письма, вспомним о том, что называние своих отрицательных черт сродни *боязни* этих черт и, значит, их отрицание. Далее вспомним, как у Есенина Пугачёв в одноимённой поэме реагирует на заговор своих вчерашних соратников («А казалось… казалось еще вчера… Дорогие мои… дорогие… хор-рошие…»). В сущности, это реакция самого Есенина – идеалиста, который, как это бывает, *мерил людей по себе*. Относительно Пугачёва, эта реакция-прорыв – только допущение, которому вряд ли есть исторические основания. Но то, что выразилось в «Пугачёве» косвенно, через семь лет после письма Бальзамовой, в том же 1921 году, Есенин выражает в других стихах. «Сердцем всё такой же», он рефлексирует свою возможную циничность (ср.: «Ну так что ж, что кажусь я циником, /Прицепившим к заднице фонарь?»). Значит, он всё ещё не является ужасным человеком, помним также и его «Чёрного человека», который как раз и был бы ужасен, если бы поэт не читал его самым близким чуть ли ни при каждой встрече…

Фаустовское бравирование восемнадцатилетнего Есенина Прилепину, в общем, по вкусу:

«Со всеми скидками на юношескую раззадоренность мы видим именно то, что Есенину было ясно накануне зимы 1913-1914 года и станет ещё более ясно в декабре 1925.

Быть может, это и не вполне правда – то, как он оценивал себя. Но мы же не о правде говорим, а о том, как человек себя видит.

Он видел – так».

Как видно здесь (и не только здесь), Прилепин допускает, что взгляды Есенина на себя и мир не претерпят серьёзных изменений, оставаясь в русле одной и той же логики: логики прирождённого «левака», от социализма постоянно отклоняющегося в анархизм. И это действительно так. Только надо различать, где это – действительно рациональное мировоззрение, где – стратегия продвижения внутри эпохи (не мытьём, так катаньем), а где – бунт отчаявшегося поэта, который, при всём своём крестьянском прагматизме с прищуром и так не широких глаз, – всё равно остаётся идеалистом. Поговорим сначала о второй – средней – составляющей есенинского левачества: о его *политическом* выборе и прагматической жестикуляции.

О футуристах, внезапно явившихся невесть откуда прямо на подмостки столиц, упоминалось. Так вот: «Осенью 1914-го, в самом начале войны <Есенин> пишет первое своё большое стихотворение или, как сам будет называть, «маленькую поэму» – «Марфа-посадница».

Германские войска, надо полагать, одной из своих ближайших целей внутри России имеют Новгород Великий (ну, если царь-государь раньше сам не сдастся). И вот как своевременно откликаются музы:

«Царь в есенинской поэме обращается с Антихристом, жалуясь: «Новгород мне вольный ног не лобызает!»… В последней главке поэмы Есенин пророчествует: 400 лет миновало, пора будить Садко и Василия Буслаева, чтобы «заглушить удалью московский шум»; пришло время Новгороду и Киеву посбивать колокола в Москве:

…Пропоем мы Богу с ветрами тропарь,
Вспеним белую попончу,
Загудит наш с веча колокол, как встарь,
Тут я, ребята, и покончу.

В разгар Великой войны большевики бросили призыв превратить империалистическую войну в гражданскую. Но эта установка едва ли не ранее была объявлена в «Марфе Посаднице», в то время как большинство российских литераторов испытывали необычайный патриотический подъём».

Вот именно. Большинство литераторов, уже имевших место в литературном процессе и социальный статус, каких Есенину пока «не светило», литераторов, столичные лидеры которых говорили с нашим «пастушком» через губу…

Впрочем, трудно поверить, что Есенин сам до всего дошёл: «Пафос есенинской поэмы, – пишет Прилепин, – антимосковский, но естественно, прорусский: Бог в народе, а царь – Антихристом куплен. Русь надо сделать той, которой и была она задумана: народной вольницей, послушной воле Господа, а не Антихриста.

Не менее характерна в этом смысле «маленькая поэма» «Ус», написанная следом, зимой 1914-го.

Василий Ус – казачий атаман и соратник Степана Разина, поднявшего бунт против Москвы»…

Итак: вольница, казачки, Разин, Ус, выступивший впервые никак иначе, но в 1666 году – в год Раскола. Противопоставление окраин столицам. Налицо параллели и со Смутным временем 1604-1613 гг. – вот когда процвели вольница и анархия. И – отчётливый литовский, польский, католический и т.д. дух тогда тоже хорошо чувствовался как «рок событий»… Через семь лет Есенин напишет имажинистскую поэму «Пугачёв» – об одном польско-турецком агенте Емельяне, говорят, имевшем в своей народной армии лютеранских по вере европейских инструкторов.

Так получается, что всякий серьёзный бунт в России не обходится без крамолы, всегда опирается на иностранную помощь… В 1914-1915 гг. появляется у Есенина (раньше, чем Блока!) образ Иисуса, возглавляющего *праведный* бунт. Противопоставить Христа русским церкви и престолу – идея сильная, иезуитская. При этом вольная интерпретация Христа – удел протестантский. Я не смешиваю всё в одну кучу. У всей «кучи» есть один знаменатель: внутрироссийский бунт в антироссийских целях. «Удивительные образы складывались в юной есенинской голове!» – восклицает Прилепин. Действительно. Самое время к Блоку ехать. И поехал. И был принят.

«Петроградские поэты по большей части были отъявленными либералами, находя, что власть никчёмна и безнравственна» – пишет Прилепин. Да, так. За несколько стихотворений «Радуницы» Есенину – живому олицетворению народа, от которого никто во дворце не имел в виду отвернуться, – прислали из царской кладовой золотые часы. И чаем напоили, не где-нибудь и не кто-нибудь, а монаршие особы. Кажется мне, впоследствии поэт вспоминал об этом символическом эпизоде не раз – про себя и с грустью…

Но время подступало, как напишет о том в «Двенадцати» Блок, ветреное. Власть, повторим, объявлена никчёмной, безнравственной. А держать нос по ветру – это ли у нас не мужицкая черта? Перед Февралём Есенин ещё перемещается между комендантом царского дворца полковником Ломаном и живущим рядом эсером (радикальным интеллигентом) Ивановым-Разумником… Далее ветер перемен треплет его стильную рубашку и золотистые волосы всё сильнее. Наконец-то землю Русскую посещает настоящий Спаситель свободы, равенства и братства – Ленин. И молодой поэт решает стать его апостолом. Со всеми, понятно, вытекающими политико-эстетическими перестройками. Начался у Есенина «Красный звон», «Красный конь», началось: «Тело, Христово тело, выплёвываю изо рта» и прочее «Господи, отелись!». Есенин, как говорит Прилепин, «знал, что в последнюю минут примкнёт к тем, кто первый подожжёт *Россию*; ждал, что из этого пламени фениксом, жаром-птицею возлетит мужицкая Русь». И пути его, таким образом, не могли быть случайны: «В том марте <1917 г. – *М.Е.*> он познакомится с Зинаидой Николаевной Райх – та служила секретарём-машинисткой в редакции левоэсеровской газеты «Дело народа». Вот оно где пахло Русью-то мужицкой!

Прочтите революционные поэмы Есенина 1917-1918 гг., вы сами всё увидите. В конце 1980-х – начале 1990-х нас много развлекали чудесами, тайнами и НЛО. Когда ломается политическая система, необходимо вносить сумятицу в умы. В поле замутнённого народного духа, *смутного* духа, ловится та же или ещё более крупная рыба, чем в мутной воде. Думая, что «работает апостолом», Есенин работал шаманом в одеянии апостола «мужицкого рая». Революция в России не была старообрядческой, как нам старается показать то Прилепин. Всякая революция принадлежит её бенефициарам, а не вовлечённым ишакам. Революция наша была протестантской, как английская. В глубине своей она несла стране ускорение и модернизацию. Но на нерусских прозападных основаниях. Протестантскими в этом смысле были и дела Петровы. Поэтому первый император прибрал себе главенство в Церкви: только он хотел решать, что в «Церкви» полезно, а что нет. Так и Революция: она стала искать и выдвигать своих апостолов для масс. Ленин и Троцкий явились в Россию именно 3 апреля, на второй день Пасхи 1917 года. У этих «люторов» были серьёзные цели. А сферу умов молодой улицы – отрасль создания в этих умах максимально революционного бардака – предоставили революционным шаманам. У шаманов дело какое? Камлать. Ну вот они и камлали. Справедливо будет заметить, что героический генерал Брусилов в феврале 1918 года обратился к русскому офицерству с обращением, по смыслу аналогичным большевистскому: «Социалистическое Отечество в опасности!». Так что время было сложное и ветры дули сильные. А Есенину всего только двадцать два года.

(Окончание – стр.6)